
Лоес Моррен
За воротами белых драконов

Лоес Моррен

За воротами белых драконов

«Автор»
2026

Моррен Л.

За воротами белых драконов / Л. Моррен — «Автор», 2026

Я ждала возвращения мужа и шила первую рубашечку для нашего ребёнка. Кассиан тем временем подписал грамоту, по которой после родов меня на десять лет отправят в обитель, а младенца оставят в его замке.Я сбежала за море, в гавань под охраной двух белых драконов. Мне нужен был дом, где я смогу растить ребёнка и сама решать, кому открывать дверь. Граф Роуэн вызвался помочь с поисками. Он запомнил, зачем мне собственный ключ, научил меня танцевать на ярмарке и однажды признался, что выдумывает поводы задержаться со мной после ужина. С каждым днём мне всё сильнее хотелось остаться с ним на крыльце, пока не остынет чай. И с каждым днём труднее было произнести то, что он должен был узнать до нашего первого поцелуя. Я всё ещё жена другого.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
За воротами белых драконов

Глава 1

Я услышала копыта, когда в третий раз пыталась свести счёт за овёс. Перо покатилось по раскрытой книге, а я уже бежала к двери, придерживая юбку испачканной в чернилах рукой. Кассиан обещал вернуться к концу недели, и до конца недели оставалось два дня, но за два года замужества я так и не научилась слышать стук подков во дворе и спокойно сидеть на месте.

На лестнице мне попалась Аэлина с охапкой чистых полотенец. Она прижалась к стене, пропуская меня, и успела сказать, что у ворот всего одна лошадь. Я ответила, что Кассиан мог послать людей вперёд или оставить их на переправе, а к тому времени, когда добежала до нижней ступени, успела вообразить ещё с полдюжины причин, почему он ехал один.

У ворот стоял торговец припасами. Его гнедая кобыла мотала головой, отгоняя мошку, а сам он ждал, пока дворовые снимут задний борт повозки, и жевал стебелёк соломы. Завидев меня, он вынул соломинку изо рта и так поспешно сорвал шапку, что вывернул её наизнанку. Я остановилась посреди двора, всё ещё держа юбку приподнятой над щиколотками.

— Вы сегодня рано, господин Меррен. Я думала, вас задержат на нижней дороге, там вчера вода стояла по ступицу. Давайте уж посмотрим, что вы привезли, раз я сама вышла встречать.

Он согласился с такой охотой, словно я избавила его от необходимости объяснять, с каких пор графини бегают встречать бочонки. Аэлина спустилась следом и подала мне накладную, которую дворовый оставил на каменной тумбе у ворот. Я велела ставить мешки с мукой на сухую плиту возле кладовой, расправила лист на борту повозки и нашла внизу знакомую сумму, только вчера выписанную мною в хозяйственную книгу.

Меррен привёз три бочонка масла, и на всех трёх мелом стоял его знак. В накладной значилось четыре, причём тот, что был обвязан красной верёвкой, шёл одной строкой как часть поставки, а другой как товар, доставленный отдельно. Я позвала Меррена к борту и попросила показать, где он прячет четвёртый.

— За красную верёвку отвечал мой сын, миледи, а за переписанный счёт отвечаю я. Мальчишка пометил бочонок, который мы оставили на завтра до прихода свежего масла. Видно, я вписал его в то место, где полагалось вычеркнуть прежнюю запись.

— Тогда пусть ваш сын и впредь вяжет верёвки, у него это отлично получается. А вы присылайте мне счёт, когда масло уже на повозке. Перо осталось наверху, так что сегодня нам придётся исправлять вашу арифметику углём.

Аэлина сбегала за угольком и придержала лист, пока я вносила поправку. Одна из снятых с повозки крышек покатилась к воротам, и мы обе проводили её глазами до самой решётки, где она легла плашмя. За воротами дорога была пуста, только на мокрой глине чернела полоса от колеса.

— Отнести книгу в ваши покои, миледи? — спросила Аэлина, когда торговец отвернулся к своим мешкам. Она посмотрела на мою руку и прибавила, что принесёт заодно щётку, если я позволю ей заняться пятном прежде, чем высохнут чернила. Я оглядела себя и обнаружила на юбке все пять пальцев, будто выбежала из кладовой, ухватившись за горсть сажи.

Наверху я сперва села за счета, пока Аэлина тёрла край подола влажной тряпицей. Исправила сумму за масло, снова пересчитала овёс и только тогда отвязала от пояса ключ от шкатулки. Под письмами Кассиана лежала маленькая льняная рубашечка, которую я начала в тот вечер, когда повитуха наконец уверенно сказала, что у нас будет ребёнок.

О беременности я написала ему сразу, а рубашечку оставила до встречи. Я уже знала, как покажу её Кассиану. Я собиралась дождаться, пока он снимет дорожные перчатки, разжать его ладонь и положить на неё крохотный рукав, который никак не получался у меня ровным. Мне хотелось увидеть, как человек, привыкший мерить землю от межевого камня до реки, попробует вообразить руку такой величины.

К вечеру пятно на юбке побледнело, а хозяйственную книгу я всё-таки довела до итога. Мне оставалось запереть чернильницу и отнести ключи управляющему, когда за окном снова застучали копыта. На этот раз я услышала ещё и голос привратника, который крикнул дворовым, чтобы те открывали обе створки.

Кассиан спешился у крыльца и передал поводья конюху, которого увидел прежде, чем меня. Лицо у него потемнело от ветра, воротник плаща отсырел, и на одном сапоге ком глины держался от каблука до самой щиколотки. Я собиралась сказать ему, что приличные люди предупреждают о своём возвращении, но он повернул голову, улыбнулся мне, и я обняла его прямо там, на глазах у конюха и двух мальчишек с вёдрами.

Плащ оказался холодным, а губы у него были тёплые. Он поцеловал меня ещё раз, медленнее, и прижал ладонь к моей спине, когда я уже собралась отступить. Кто-то поставил ведро на камни так осторожно, что я слышала, как плеснула вода.

— Если ты намерена и дальше встречать меня при всём дворе, Кайра, дай хоть сойти с коня как следует. Я до сих пор одной ногой чувствую стремя. А теперь поцелуй меня ещё раз, пока я окончательно не вспомнил, что у меня здесь полно подданных.

На этот раз я дождалась, пока он сам наклонится. Мне хотелось рассказать, как долго я сегодня прислушивалась к дороге, но под его рукой вся обида за эти дни показалась такой давней, что я смогла пересказать ему всё как шутку. Пока мы поднимались по ступенькам, я объяснила, кого поцеловала бы первым, если бы Меррен хоть немного походил на него со спины.

— Меррен, надо полагать, выставил бы за это отдельный счёт. С него станется взять плату и за лошадь, и за свидетелей, и за потерянное рабочее время. Хорошо, что я приехал прежде, чем он сообразил, какая тут открывается торговля.

В прихожей я помогла Кассиану снять плащ. Застёжку перекосило, и мне пришлось возиться с ней обеими руками, пока он стоял, вытянув шею, и уверял, что две мили ехал под дождём именно ради этого. Наконец пряжка поддалась, плащ тяжело упал мне на руки, а из парадного зала потянуло таким сквозняком, что мы одновременно оглянулись на кухонную дверь.

В первую зиму нашего брака из окон парадного зала дуло с такой силой, что свечи на столе приходилось прикрывать ладонями. Однажды мы унесли свои тарелки на кухню, уселись у очага на перевёрнутый ящик и съели весь пирог с луком, который полагалось подавать на общий стол. Кассиан тогда протянул ноги к огню, и повариха велела ему подвинуться, потому что ей тоже хотелось обсушить чулки. Он подвинулся и сам принёс ей табурет.

— До сих пор помню, как ты потом уверял управляющего, будто в зале ужинали мыши. Он поверил бы скорее в мышей, чем в то, что ты сам взял пирог с противня. Останься как-нибудь дома на целую неделю, Кассиан, и мы снова поужинаем на кухне.

Он взял плащ с моих рук и положил на скамью, чтобы с подола не натекло мне на платье. Потом он опёрся рукой о стену возле моего плеча и, чуть наклонив голову, спросил, считаю ли я семь дней вместе с воскресеньем. Я сказала, что вопрос был с подвохом и воскресенье я припасла восьмым.

— Посмотрю, что выйдет после посевной. На больших полях управились, а за переправой ещё надо проверить, что там успели сделать, пока дорогу держало водой. Если отпущу управляющих до того, как услышу их отчёт, они устроят себе восемь воскресений подряд, и каждый напишет, что остальные виноваты.

Слуга принёс горячую воду и унёс плащ, а я поднялась за рубашечкой. Мне нравилось, что Кассиан сумел улыбнуться, услышав мою просьбу, вместо того чтобы сразу ответить перечислением всех своих земель и обязанностей. По дороге наверх я уже назначала нам дни для прогулки и придумывала, куда поставить стол на кухне, чтобы поварихе хватило места у огня.

Рубашечка поместилась в кармане платья, и у лестницы я сунула туда руку, чтобы не задеть свежей подрубкой щербатую пряжку на поясе. Снизу пахло жареным мясом, к обычному шуму посуды прибавился голос Кассиана, спросившего, где меня ждать. Я отозвалась с площадки и услышала, как он сам велел поставить мой прибор ближе к своему, чтобы нам не пришлось переговариваться через стол.

Мой стул стоял так близко к его, что, садясь, я задела локтем край его тарелки. Кассиан успел её поймать и подвинул к себе, а я положила ладонь на карман, проверяя, цела ли рубашечка. За ужином он любил сначала рассказать о дороге, пока мог восстановить её в памяти от первого привала до последнего, и я решила подождать, пока он доберётся до наших ворот.

На больших полях, как выяснилось, управились с посевной за четыре дня до дождей. В низинах пришлось заново прорыть канаву, и там люди посадили овёс позже, чем планировали, зато арендаторы остались довольны отсрочкой платежей. Кассиан помнил, в чьём хлеву пала корова и у кого пятеро детей вышли в поле вместе с родителями. Когда я спросила о дальних землях, он нарисовал на скатерти пальцем изгиб реки и показал, куда собирался ехать.

— Дальний берег требует ещё одного объезда. Я возьму с собой писца, а в Берестовом селе задержусь на ночь, чтобы выслушать их старосту. Если он опять приведёт всю родню свидетельствовать, что канава течёт не в ту сторону, я, пожалуй, позволю им самим выбирать, куда течь воде.

Я спросила, когда он намерен выехать, и узнала, что всего через день. Завтра после полудня он ждал двух человек из церкви, а потом собирался сесть с управляющим за счета, которые накопились в его отсутствие. Я повертела нож между пальцами, пока тёплая тяжесть его руки не легла поверх моей.

— Теперь расскажи, как ты себя чувствовала, пока меня не было. В письме ты сообщила, что повитуха ручается за твоё здоровье, но у неё словом «здоровье» можно назвать всё, при чём человек ещё в состоянии сам дойти до двери. Мне хочется услышать твою версию, желательно со всеми подробностями, которые ты пожалела для бумаги.

— По утрам я велела уносить кувшин с молоком, потому что от одного запаха мне становилось дурно. Теперь я могу смотреть на него вполне миролюбиво, если между нами стоит кто-нибудь ещё. И я пока влезаю во все свои платья, хотя завязку на этом пришлось чуть отпустить после второго куска мяса.

Он опустил взгляд на мой пояс и провёл костяшкой пальца по краю пряжки. Я достала из кармана рубашечку, расправила её на колене и положила ему на ладонь, как столько раз представляла. Кассиан осторожно подцепил рукав мизинцем и удивился тому, что в него едва пролез палец.

— Ты это сшила, когда узнала? — спросил он и перевернул рубашечку, разглядывая неровный шов на плече. Я призналась, что взялась за неё в тот же вечер и от нетерпения два раза сшила оба рукава по одному краю. Он засмеялся и поцеловал меня в висок, всё ещё держа рубашечку на раскрытой ладони.

Я рассказала, что давно присматривалась к комнате рядом с нашей спальней. Там хранились свёрнутые ковры, лишние подсвечники и кресло с высокой спинкой, в котором я могла бы сидеть ночами, если ребёнок не пожелает спать. Окна выходили в сад, и я уже выяснила, как закрепить раму, чтобы она не дребезжала на ветру.

— Я поручил приготовить комнаты в восточном крыле, — сказал Кассиан, возвращая мне рубашечку. Он добавил, что там две комнаты смежные, одной трубой отапливаются обе

и кормилице будет где лечь. Пока он говорил, я разгладила рукав, который успела скомкать в ладони, и осторожно убрала рубашечку обратно в карман.

— От нашей спальни до восточного крыла два коридора и лестница. Если бы ты прошёл со мной оттуда вечером, ты бы понял, о чём я толкую. Пойдём сейчас, пока повариха режет пирог, и посмотрим обе комнаты.

— Давай по возвращении, Кайра. Завтра и так придётся уместить в один день всё, что здесь скопилось, а вечером мне хотелось бы хоть немного посидеть с тобой. К тому же ребёнок, судя по размеру рукава, пока вполне помещается там, где находится.

Я рассмеялась и оставила спор до его возвращения. Когда принесли пирог, Кассиан взял нож и положил в мою тарелку крайний кусок, где было больше хрустящей корочки, потому что за два года выучил и это. Утром в комнате рядом с нашей спальней я попросила Аэлину свернуть последний ковёр и вынести его на солнце, так что после полудня, когда к Кассиану приехали люди из церкви, в саду уже пахло прогретой шерстью.

Ковёр перекинули через низкую каменную ограду, и я вышла проверить, успела ли просохнуть изнанка. Дворовые с утра распахнули окна в малом зале, где собирались принять приезжих, но карета задержалась, и Кассиан в конце концов распорядился подать чай у себя в кабинете. Из сада я видела его окно и прикидывала, сколько времени займёт разговор и стоит ли просить кухню отложить нам ужин.

За живой изгородью хрустнула ветка. Я решила, что кто-то из дворовых опять пробрался на короткую тропинку между кустами и оградой, по которой мы просили не носить корзины, потому что после них оставались обломанные побеги. Потом я увидела в просвете полоску белого передника и велела тому, кто там стоял, выйти на дорожку.

Из-за куста показалась Аэлина. В руке у неё была веточка, и она всё перекладывала её из одной ладони в другую, пока я отряхивала с её передника сухой лист. Мне показалось, что она разбила что-то из дорогой посуды и теперь прикидывает, хватит ли жалованья возместить ущерб.

— Если это чашка с синей каймой, виновата хозяйка, которая до сих пор распоряжается подавать в ней чай. У неё ручка еле держалась ещё на прошлой неделе. Скажи мне, что случилось, Аэлина, а то ты так и простоишь здесь до ужина.

— Чашки целы, миледи, и я всё уже унесла. Я стояла возле буфета в кабинете, когда они заговорили, и мне пришлось ещё собирать ложки. Я думала уйти сразу на кухню, только потом увидела вас в саду и поняла, что вам надо отсюда уехать.

Я решила, что ослышалась, и попросила её повторить. Аэлина глянула на окно кабинета и так сильно сжала веточку, что та сломалась у неё в руке. Она отступила на полшага за изгородь и повторила тише, что мне надо бежать, пока я могу из замка выехать.

— Если это какая-то глупая шутка, у тебя есть время сказать мне об этом сейчас. Я только вчера дождалась мужа и собираюсь ужинать с ним сегодня. С какой стати мне от него бежать?

— Потому что они говорили о вас, миледи. Один спросил, в какой обители вас примут после родов, а господин граф ответил, что ему всё равно, лишь бы туда было удобно посылать деньги. Потом он сказал, что ребёнка оставит в замке и найдёт себе жену из рода познатнее.

С дорожки была видна часть двора, и там кучер церковников бросал кобыле овёс из ведра. Я некоторое время смотрела, как она подбирает губами рассыпанные зёрна возле его сапога, и пыталась понять, при чём здесь деньги. Вечером Кассиан держал на ладони рубашечку, и я могла припомнить даже царапину на его мизинце.

— Кассиан принимает этих людей из года в год, и они всё время рассказывают о женщинах, которым ищут место при обители. Может быть, они называли какую-то другую графиню, а ты услышала только конец разговора. Если тебя спросят на кухне, о чём мы говорили, скажи, что я просила убрать ковёр.

— Он назвал маленькую спальню в восточном крыле, там уже поставили кровать для кормилицы. Я подумала, вы сами так велели, когда мы с девочками относили туда бельё. Только сегодня поняла, что вас об этом, верно, даже не спрашивали.

Я велела ей замолчать и увидела, как она сразу выпрямилась, будто я заговорила с нею при всём дворе. Мне стало досадно, что я позволила ей высказать столько дурного о человеке, который месяцами возился с запрудами, чтобы у людей остался хлеб. Я приказала ей больше ни с кем не говорить об услышанном и уйти с дорожки через кухонный двор.

Аэлина поклонилась и пошла так быстро, что я чуть не окликнула её из опасения, что она поскользнётся на влажных плитах. Я вернулась к ограде и сняла с ковра несколько прилипших лепестков. Раньше я бы попросила её помочь свернуть тяжёлую шерсть, а теперь осталась держать край обеими руками, пока она не скрылась за углом.

К вечеру гости уехали, и Кассиан прислал сказать, что придёт к столу, как только отпустит управляющего. Я сидела у окна с рубашечкой на коленях и упрямо доводила до конца подрубку, хотя дважды попала иглой в палец. Когда в коридоре наконец послышались знакомые шаги, я отложила шитьё, поднялась навстречу мужу и всё ещё видела, как Аэлина прятала сломанную веточку в передник.

За ужином я так и не спросила о приезжих. Кассиан принёс с собой запах дыма и сел ближе к огню, потому что у него в кабинете топили сырыми дровами и весь день приходилось держать окно открытым. Я слушала, как он рассказывает о ссоре двух братьев из-за полосы земли, и несколько раз ловила себя на том, что смотрю на его рот, стараясь представить, как он говорил о другой жене.

На следующее утро я нашла его в передней. На скамье лежали перчатки и вчерашний плащ, уже сухой, а конюх держал дверь открытой, чтобы спросить, какой седельный вьюк затянуть первым. Кассиан ответил ему и повернулся ко мне с таким видом, словно ждал, что я снова стану торговаться за семь дней и восьмое воскресенье.

— Что вчера понадобилось людям из церкви? — спросила я, поднимая его перчатки со скамьи. Мне хотелось спросить между прочим, как я спросила бы о новых упряжных ремнях, но пришлось сперва расправить манжеты, чтобы он не заметил, как я комкаю кожу. Кассиан взял одну перчатку и надел её, прежде чем ответить.

— Приезжали из-за пожертвований. После дождей у них размыло стену при обители, и теперь каждый хочет, чтобы средства ушли в его приход раньше, чем в соседний. Я велел прислать смету, когда они договорятся между собой, где чинить в первую очередь.

Он протянул руку за второй перчаткой, а я отдала её и спросила, давно ли обители просят у него денег. Кассиан усмехнулся и сказал, что они начали просить их ещё у его отца. Я ждала, что он спросит, зачем мне это знать, и уже придумала ответ про ковёр, который так и пролежал в саду до вечера. Он затянул ремешок на запястье и взглянул на лестницу, по которой вчера выносили ковры.

— До моего возвращения ничего больше не меняй в детской, ладно? Я видел, что ты велела оттуда всё убрать, а мы договорились осмотреть комнаты вместе. Пусть люди пока займутся весенней уборкой, и тогда ты покажешь мне, почему тебе так приглянулось окно в сад.

Он поцеловал меня и, как делал перед каждым отъездом, попросил беречь себя и писать, если понадобится что-нибудь из города. Я проводила его до ворот, придерживая шаль у горла, и смотрела, как всадники по одному минуют решётку. Кассиан обернулся на подъёме и поднял руку, а я подняла свою только тогда, когда поняла, что он и вправду ждёт ответа.

Когда опустили решётку, во дворе снова стали слышны голоса и скрип тележки с дровами. Я могла вернуться наверх, сесть за счета и подождать до его приезда, как мы договорились. Вместо этого я пошла к бельевой, где по утрам Аэлина складывала выстиранные простыни, и застала её за тем, что она пыталась прижать подбородком непослушный угол полотна.

Я взяла у неё этот угол, и мы расправили простыню на столе. Аэлина молчала и смотрела на мои руки, хотя обычно за это время успевала рассказать, кто пролил воду на лестнице и как повариха отыскивала виноватого. Когда полотно легло ровно, я попросила её пойти со мной в пустую комнату рядом с нашей спальней.

— Вчера я велела тебе забыть разговор, но теперь прошу припомнить всё как можно точнее. Мне нужны слова, которые ты сама слышала у буфета. Если чего-то не разобрала, скажи сразу, я и без того с ночи воображаю достаточно.

Аэлина оставила дверь приоткрытой и встала у окна, где раньше был свёрнутый ковёр. Она начала с того, что один из приезжих предложил подождать до осени, но Кассиан сказал, что всё должно быть готово к родам. Тут она сбилась и долго тёрла ладонью боковой шов передника, пока я не спросила, о чём они говорили, когда она подняла поднос.

— Они говорили уже о бумаге, миледи. Один человек спросил, забрать ли оба экземпляра, а господин граф сказал, чтобы его экземпляр грамоты оставили здесь, в кабинете. Я запомнила слово «грамота», потому что решила, будто они опять дают кому-то землю, и уже после сообразила, что разговор всё ещё о вас.

Я спросила, видела ли она бумагу, и Аэлина описала сложенный вдвое лист у чернильницы. Ей пришлось обойти стол с подносом, потому что стул у буфета отодвинули и ей стало тесно пройти. Она помнила, что граф придержал лист ладонью, когда окно хлопнуло от сквозняка, но потом ей велели унести посуду, и она больше ничего не видела.

— Спасибо, что ты пришла ко мне вчера. Я испугалась и заговорила с тобой так, словно ты сама придумала всё это, чтобы меня огорчить. Ты можешь вернуться к белью, Аэлина, а я пока посмотрю, что за бумагу они оставили.

У двери она спросила, нужно ли ей подождать меня на лестнице. Я сказала, что позову её сама, и прислушивалась к её шагам, пока они не стихли этажом ниже. Тогда я расправила шаль и пошла к кабинету Кассиана, до последнего надеясь найти на его столе счёт за камень, известь и починку размытой стены.

Глава 2

Дверь кабинета подалась сразу. Кассиан оставлял её незапертой, когда уезжал, чтобы я могла взять книги с записями о поставках, и я сама не раз просила слуг заносить сюда мои бумаги. Всё же я постояла на пороге, ожидая, что он поднимет голову от стола и спросит, куда я опять дела перо с длинным стержнем.

У чернильницы лежал только нож для бумаги, а окно, о котором говорила Аэлина, было закрыто. Я подняла заслонку, чтобы впустить больше света, и принялась разбирать папки на краю стола. В первой оказались списки недоимок, во второй — письма с дальнего берега, от которых ещё пахло кожей дорожной сумки.

Папку с церковными расходами Кассиан держал на нижней полке, рядом со счетами за ремонт мостов. Там нашлись квитанции за зимние дрова для приходской кухни и за перевозку камня, и на мгновение мне стало так легко, что я присела прямо на пол. Потом я заметила между квитанциями лист, сложенный вдвое и стиснутый так плотно, словно его торопились убрать с глаз вместе со всеми прочими бумагами.

На лицевой стороне стояло моё полное имя. В первой строке говорилось, что по ходатайству супруга меня примут на служение в обитель Святой Марты по окончании послеродовых дней. Срок составлял десять лет, считая со дня, когда я переступлю порог обители. Плату за моё содержание Кассиан обязывался вносить дважды в год, и сумма была уже вписана словами, чтобы никто не мог дописать цифру.

Я прочла эту часть ещё раз, так медленно, как читала хозяйственные договоры перед подписью. Мне всё казалось, что где-нибудь должно стоять маленькое «если», которое переменит смысл всего остального. Если меня одолеет болезнь, если я сама пожелаю уйти, если случится что-то, чего мы с Кассианом пока не могли предвидеть.

Дальше шла речь о ребёнке. Под строкой о том, что младенец останется в графском доме, с отступом было приписано, что после появления на свет его надлежит передать кормилице. Свидания матери с ребёнком в последующие годы допускались по особому разрешению главы дома, и я провела пальцем под этими словами, пока не дошла до имени человека, которому полагалось меня допускать.

Кассиан расписался тем же широким росчерком, каким подписал послание о возвращении. Я знала маленькую зазубрину на его пере и видела, где она оставила двойную черту в конце имени. Ниже краснела печать, а рядом, на сгибе, остался отпечаток пальца в воске. Я приложила к нему большой палец и тут же отдёрнула руку, словно прикоснулась к чужой вещи, которую мне не позволено трогать.

Мне хватило бы пяти минут, чтобы послать конюха следом за Кассианом. Если бы он вернулся, я положила бы перед ним грамоту и спросила, где именно в восточном крыле уже поставили кровать для кормилицы. Я даже представила, как он снимает перчатки и тянется к бумаге, чтобы показать мне место, которое я будто бы неверно поняла. От одной мысли, что я могу уступить ему лист и остаться с его объяснением, у меня свело пальцы.

Я достала из ящика чистую бумагу и села на его место. На первой строке я вывела имя обители, пропустив одно слово, зачеркнула всю строку и начала заново с листа, который не пришлось бы потом расшифровывать. Переписала дату, моё имя, сроки, условия о ребёнке и имена всех, кто расписался внизу. Печать обвести я не пыталась, а описала её в двух словах на полях и проставила рядом день, когда держала грамоту в руках.

Убрав подлинник между теми же квитанциями, я вернула папку на нижнюю полку. Пальцы просили снова раскрыть её и проверить подпись, но я уже могла повторить на память, под каким углом загнулся её последний штрих. Я сложила копию и отнесла к себе, где сунула её в шкатулку под свёрток с шитьём.

На столе ждала хозяйственная книга, открытая на том месте, где я исправляла счёт за масло. Повозка должна была вернуться за пустыми бочками, и внизу страницы я сама накануне пометила день, чтобы кладовщик заранее выставил их во двор. Это было сегодня, после полудня. Я закрыла книгу и пошла за Аэлиной, впервые рассчитывая часы до отъезда так же всерьёз, как если бы уже приказала подать мне лошадь.

Аэлина ещё была в бельевой. На столе лежала простыня, которую мы расправляли вместе, и она водила ребром ладони по её сгибу, хотя тот давно получился ровным. Завидев меня, она взялась за сложенное полотно обеими руками и спросила, отнести ли его наверх.

— Оставь пока здесь, я пришла за тобой. Ты рассказала мне правду, Аэлина, а я велела тебе молчать таким голосом, что ты побоялась остаться со мной на дорожке. Я уже просила у тебя прощения за то, как заговорила, но теперь хочу сказать, что должна была поверить тебе раньше.

Она поставила простыню обратно на стол и сначала поправила выбившийся угол. Потом посмотрела на меня так прямо, что мне пришлось самой выдержать её взгляд. Когда она наконец заговорила, голос у неё был спокойнее, чем вчера в саду.

— Я и сама потом думала, что сделала бы на вашем месте. Если бы мне сказали такое про человека, с которым я вчера целовалась у ворот, я бы тоже сперва рассердилась на того, кто принёс новость. Вы только скажите, увидели вы бумагу или я всё-таки заставила вас поверить в худшее зря?

Я кивнула и рассказала про десять лет и кормилицу. Аэлина уже слышала достаточно, чтобы не спрашивать, точно ли Кассиан понимал, что подписывал. Она подвинула ко мне скамью, но я осталась стоять, перебирая имена людей, у которых могла попросить ночлега.

Сперва я подумала о дальних родственниках на северной дороге. Кассиан помог им прошлой осенью заменить крышу, и тётка до сих пор посылала ему копчёных гусей к каждому празднику. Она, пожалуй, спрятала бы меня у себя на ночь, а утром с добрым сердцем отправила бы за ним, чтобы мы помирились у неё за обедом. Я назвала ещё два дома и сама себя перебила, вспомнив, что их хозяева каждую неделю ездили к нашему управляющему.

— На юге тоже его земли, а на переправе меня знают в лицо. Я утром подняла руку, чтобы попрощаться с ним, и весь двор видел, как мы стояли у ворот. Если я сейчас велю подать коня и поеду одна, к вечеру обо мне узнают во всех местах, куда я ещё успеваю добраться.

— Тогда вам надо ехать к морю, — сказала Аэлина, и мне послышалось, что она давно прикидывала эту дорогу. Она придвинула простыню к краю стола и на освободившейся доске нарисовала пальцем путь от нашей нижней дороги до порта. Там жила её тётка, и оттуда ходили суда на другой берег, в драконью гавань.

Я знала, что корабли возили туда соль и масло, а привозили медь и тонкую шерсть. В Сальдерме о драконах любили рассказывать люди, которым случалось спорить с ними о торговых пошлинах, и самые подробные истории я слышала от тех, кто никогда не сходил на их берег. Теперь меня занимало, пустят ли там в дом женщину, которая не сможет назвать ни одного знакомого.

— Там сдаются комнаты, миледи, как у нас, — сказала Аэлина, когда я призналась, что никогда не видела той гавани даже на карте. Она рассказала, что тётка держит постоялый двор и часто укладывает людей на кухне, пока они ждут попутного судна. А недавно одна её помощница сама уехала на другой берег устраиваться и оттуда прислала за своим сундуком.

— Значит, и мне туда можно, если хватит денег на место. Только я не хочу, чтобы Кассиан добрался до тебя и решил, будто может расспрашивать тебя о каждом моём шаге. Ты можешь уйти к тётке сегодня, со мной?

Аэлина задумалась, а потом покачала головой. До выдачи жалованья оставалось несколько дней, и она собиралась забрать его целиком, потому что на эти деньги рассчитывала прожить у тётки, пока ей найдут работу. Если мы исчезнем вместе, объяснила она, нас будут

искать в одном и том же месте, а так она уйдёт открыто, с вещами, когда придёт её срок. Она попросила меня потом написать на её имя через тётку, и я дважды повторила вслух название двора, чтобы его запомнить.

Из коридора донёсся звон ключей, и нам пришлось снова взяться за простыню. Мимо бельевой прошла кухарка, пожаловалась, что пустые бочки выставили туда, где собирались полоскать зелень, и посоветовала поторопить торговца. Я встретилась взглядом с Аэлиной, и она первая положила свой край полотна на стол.

Рабочее платье Аэлина принесла свёрнутым в наволочку, словно несла мне заштопанное бельё. Оно было серым, с тёмными вставками под мышками, и на спине застёгивалось на две простые пуговицы, с которыми я никак не могла справиться. Пока Аэлина застёгивала их, я держала перед собой своё платье и думала, что надевала его только вчера за ужином, когда Кассиан спросил, хорошо ли я себя чувствую.

— Есть ещё накидка, миледи, я её оставила поверх наволочки. Платье отдам вам насовсем, а вот мои башмаки у вас нога не потерпит, я это и без примерки вижу. Ваши дорожные годятся, если только закрыть пряжки подолом.

Она опустилась на корточки и помогла мне вытянуть ткань там, где та подвернулась при ходьбе. Потом выпрямилась, вынула из кармана замшевый мешочек и положила рядом со шкатулкой. Я узнала потемневший шнурок, которым сама перевязала свои сбережения перед тем, как убрать их в общий сундук к деньгам Кассиана.

— Ключ был у меня, пока я убирала зимнее бельё, как вы и говорили. Я взяла только мешочек со шнурком, остальное там лежит по-прежнему. По дороге одна монета звякнула о другую, и я так всполошилась, что до самых ваших дверей стискивала мешочек в кулаке.

Я высыпала золото на постель и разложила по кучкам, чтобы пальцы вспомнили счёт, если голова снова откажется работать. Из дорожного кошеля достала несколько мелких монет на еду и отложила плату возчику, о которой мы ещё не успели договориться. Остальное снова стянула замшевым шнурком и убрала во внутренний карман накидки, где до мешочка можно было добраться, только расстегнув её.

Я оставила на месте серьги, бусы и кольца, подаренные Кассианом. С обручальным кольцом вышло труднее, потому что оно давно сидело по руке и под ним кожа казалась светлее даже при тусклом свете. Я сняла его над самой шкатулкой, чтобы случайно не уронить на пол, и подержала на ладони, пока Аэлина подбирала с кровати моё платье.

В свёрток я положила рубаху, чулки, гребень и завернула копию грамоты в чистый платок. Потом уложила сверху детскую рубашечку, без которой сперва хотела обойтись, потому что могла бы сшить другую, когда найду жильё. Рукав лёг сгибом к сгибу, и я вдруг вспомнила, как Кассиан примерял его к мизинцу, едва дыша от старания. Я завязала свёрток, прежде чем придумала, что ещё могла бы оставить.

Аэлина вернулась со двора, когда я уже дважды подошла к двери и оба раза от неё отступила. Возчик Меррена, сказала она, согласился довезти меня до порта, где должен был забрать с пристани мешки для своего хозяина. Она объяснила ему, что одна женщина хочет уехать по семейному делу без расспросов, и за это предложила немного больше, чем он обычно брал с попутчиков.

— Бочки уже погрузили, последнюю катят сейчас. Возчик будет ждать, пока кладовщик сходит за распиской, и поедет, как только тот вернётся. Если хотите передумать, скажите мне до того, как мы спустимся, чтобы я успела предупредить его.

Я сказала, что спущусь сейчас, и подала ей монеты для возчика. Мы прошли мимо комнаты, которую я хотела отдать ребёнку, и я увидела, что Аэлина после нашего разговора так и оставила дверь приоткрытой. За окном в пустой комнате качалась ветка, и её тень ложилась на пол туда, где я собиралась поставить колыбель.

Пока кладовщик искал расписку, мальчишки, помогавшие грузить бочки, ушли за водой. Возчик придержал кобылу, а я сама поставила ногу на ступицу, ухватилась за борт и перелезла прежде, чем успела прикинуть, как выгляжу со стороны. Аэлина подала мне свёрток и разжала пальцы, только когда убедилась, что я крепко его держу.

Между пустыми бочками хватило места, чтобы сесть на дно, подтянув юбку, и возчик велел придерживать крайнюю, пока мы едем по двору. Из кладовой к нему вышли с распиской, и он завёл разговор о том, когда Меррену снова привозить масло. Потом скрипнуло колесо, и за бортом ответил тот же привратник, чей голос я отличала от всех прочих всякий раз, когда домой возвращался Кассиан. На этот раз он окликнул кобылу, чтобы она не задела оглоблей створку, и повозка покатила вниз по дороге.

До порта я успела узнать по тряске каждый ухаб на нижней дороге, хотя почти ничего не видела из-за бочек. Когда мы въехали в город, возчик велел мне вылезти у склада, где и его, и кобылу знали по имени. Он показал кнутовищем на просвет между крышами и сказал, что к пристани проще идти на мачты, потому что переулки здесь всё равно никто не называл одинаково.

У воды мне пришлось отойти в сторону, чтобы пропустить людей с мокрой сетью, а потом вернуться на несколько шагов, потому что дальше настил был разобран. Я хотела найти того, кто ведал всеми судами разом, и только после двух бесполезных расспросов поняла, что место на корабле можно купить у самого капитана. Мне указали на судно, которое везло в драконью гавань сальдермское масло и должно было уйти, как только принесут последнюю опись груза.

Капитана я нашла у трапа. Он сидел на бочке и ел хлеб с редькой, срезая ломтики прямо над водой, чтобы не пачкать доски. Я подождала, пока он проглотит кусок, и спросила, возьмёт ли он ещё одного пассажира.

— Возьму, если вам годится койка у переборки, — сказал он и стряхнул крошки с колена. Он назвал цену, от которой я чуть было не ответила, что подыщу другое судно, но потом объяснил, что туда входят горячая еда и вода на два дня. До отхода оставалось немного, и, если я хотела осмотреть место, какой-то его человек мог показать мне, куда идти.

— Я заплачу за койку и еду, если смогу держать свои вещи при себе. У меня один свёрток, на нём хоть спать можно. Покажите только, куда идти, чтобы я вам не мешалась, если на палубе опять начнут что-нибудь переносить.

Он махнул человеку на борту, и тот провёл меня вниз. Койка была узкой, а под ней стоял деревянный ящик, в который как раз вошёл бы мой свёрток. Я потрогала холст, расстеленный поверх досок, и поднялась обратно, когда сверху крикнули, что опись опять задерживается и всякий, кому нужно на берег, пока может сойти.

На причале прощались двое. Женщина держала мужчину за рукав и попеременно то целовала его, то напоминала, что ключ от кладовки висит на третьем гвозде и сестре надо отнести ведро, пока у неё чинят колодец. Он повторил всё по порядку, ошибся с номером гвоздя и засмеялся, когда она дёрнула его за рукав и велела начать сначала.

Только этим утром я стояла у ворот и махала мужу вслед. Если бы я теперь сошла на причал, то, пожалуй, нашла бы место в повозке обратно и успела к замку, прежде чем запрут решётку. Кассиан должен был ночевать у старосты, и я могла бы дождаться его в кабинете, открыть грамоту на столе и не дать свернуть разговор ни на посевную, ни на починку стены. Мне всё ещё хотелось хотя бы услышать, как он ответит на простой вопрос, почему он ни разу не сказал мне об этом сам.

Человек у трапа отступил в сторону, решив, что я собираюсь спуститься. Я уже подняла ногу, когда вспомнила слово «свидания» в той строке, которую пришлось переписывать, придерживая лист дрожащей рукой. Мне предстояло просить Кассиана, чтобы он позволил мне подержать ребёнка, и потому я опустила ногу на ту же доску и отступила к борту.

Когда принесли опись, капитан поднялся на палубу с книгой, раскрытой на списке пассажиров. Я заплатила за место, дождалась сдачи и придержала книгу ладонью, чтобы ветер не перелистнул страницу. Капитан спросил, как меня записать, и я сказала просто, что меня зовут Кайра.

— Так и запишу, если этим именем вы отзовётесь у котла. Первую миску лучше взять сейчас, пока люди на берегу держат причальные концы. На выходе любую похлёбку приходится есть, прикрывая миску локтем, чтобы сосед ненароком её не опрокинул.

Я унесла свёрток вниз и поставила под койку, а за похлёбкой так и не пошла. Когда доски под ногами впервые качнулись, я поднялась и встала у борта, чтобы видеть, как между кораблём и причалом набирается вода. Мужчина с берега всё ещё махал жене, а я подумала, что непременно пропущу из виду его поднятую руку, если хоть раз моргну.

Первые сутки я брала еду наверх, потому что внизу от качки и запаха просоленных досок мне становилось дурно. На вторые я уже могла сидеть за общим столом и даже спросила у женщины с соседней койки, где в гавани обычно останавливаются приезжие. Она назвала две гостиницы рядом с пристанью, а потом призналась, что сама всегда спит у сына и об их ценах судит по чужим жалобам.

После двух суток пути мы добрались до внешнего рейда. У причалов было тесно, и остаток ночи судно простояло на якоре, пока с берега не послали лодку указать нам свободное место. Я вышла наверх на рассвете и сперва увидела впереди две белые скалы, одинаково высокие и залитые солнцем у самой воды.

Лишь когда корабль повернул вслед за лодкой, я разглядела у одной скалы голову и сложенные вдоль спины крылья. На противоположном волноломе стоял такой же белый дракон, и там, где у первого когти держались за камень, у второго они свисали над водой. Мы проходили между ними так близко, что я могла различить тёмные полосы в камне и выбитые на груди углубления, где после дождей, должно быть, скапливалась вода.

На причале грузчики уже готовили крюк для бочек. Один поднял голову на оклик с борта, прищурился от солнца, и я увидела у него точно такое же недовольное лицо, какое бывало у нашего кладовщика, когда тот должен был пересчитать мешки в третий раз. За его плечами подрагивали сложенные крылья, а у виска в утреннем свете отливала медью мелкая чешуя. Пока я пыталась рассмотреть, как застёгивается у него рабочая куртка на спине, он поймал мой взгляд и кивнул на бочку, которую везли прямо мне на ноги.

Я отступила на нижнюю ступеньку широкой наружной лестницы и пропустила тележку. Двое крылатых мужчин спускались по той же лестнице плечом к плечу и ещё успевали спорить, кто должен вернуться за оставленной наверху верёвкой. Я поднялась следом и на площадке остановилась перевести дух. За рядами складов шла улица, и над ней на простых кронштейнах качались вывески с изображениями кроватей, буханок и швейных ножниц.

У первой вывески с кроватью я спросила, сколько стоит комната на неделю. Хозяйка назвала плату за одну ночь, объяснила, что завтрак и таз горячей воды идут отдельно, и предложила показать маленькую комнату, из которой слышно только утренние телеги. Я поблагодарила её за ответ и пошла к другой гостинице, надеясь, что там телеги слышны круглые сутки и потому с меня возьмут меньше.

Во второй гостинице мне предложили кровать за занавеской, в комнате, где ночевали ещё четверо. Это стоило дешевле, но хозяйка брала деньги сразу за неделю а в проходе между кроватями с трудом поместился бы даже мой свёрток. Я вернулась к пристани, присела на каменный выступ возле хлебной лавки и прикрыла свёртком колени, чтобы пересчитать сдачу за дорогу и остаток сбережений.

После платы за корабль денег всё ещё хватило бы на какое-то время, если бы я жила за занавеской и ела хлеб. Потом я снова оказалась бы на крыльце перед хозяйкой, а к тому времени понадобилось бы думать и о том, где рожать. Я убрала монеты и решила сперва выяснить,

что сдают на окраинах и в деревнях за городом. В Сальдерме за цену комнаты у переправы можно было снять полдома, если согласиться ходить за водой через два двора.

Рядом хлебная торговка отрезала покупателю ломоть, и запах тёплого мякиша заставил меня полезть за мелкой монетой. С корабля тем временем снимали последние бочки, и под ударами колёс вздрагивали камни прямо у меня под подошвами. Я уступила место человеку с тележкой и увидела под выцветшим навесом женщину, которая тем же утром уже обещала кому-то из наших попутчиков показать дорогу к счастью за сущую безделицу.

Она сидела на скамье возле дверей дешёвого постоялого двора и держала на коленях коричневую сумку с вытертыми углами. Когда я остановилась, женщина подняла глаза на мой дорожный свёрток, а потом посмотрела, как я убираю мелкую монету обратно в кошель. Я спросила, входит ли в её обещание дорога, по которой из города можно выйти пешком, и она подвинулась на скамье, освобождая мне место рядом.

Глава 3

Я села на край скамьи, оставив свёрток у себя на коленях. Женщина вынула из потёртой сумки квадрат синей ткани, расправила его между нами и положила сверху три гладких камешка. Один тут же покатился к моей юбке, и я придержала его пальцем, пока она пыталась выровнять скамью, подложив кусочек щепы под ножку.

— Для начала скажите, как далеко вы готовы идти, — попросила она, снова усаживаясь рядом со мной. Я ответила, что до темноты, если встречу по дороге жильё по своим деньгам. Она посмотрела на мой кошель и назвала цену за совет, причём ту самую монету, которую я несколько раз то доставала, то убирала.

У дверей скрипнула задвижка, и обе мы повернули головы. Из двора вышел мальчик с ведром, оставил дверь открытой, и я увидела, что за стойкой всё ещё никого нет. Женщина взяла монету, отодвинула камешки к самому краю ткани и спросила, сколько с меня захотели взять за кровать за занавеской.

— Столько, сколько южнее просят за половину дома, — сказала она, когда я назвала цену. Она подалась ко мне и указала на улицу, по которой только что проехала телега с бочками. Если выйти по этой улице из города и держаться южного тракта, объяснила она, к полудню я миную сады, а за садами начнутся имения, где несколько семей сдают комнаты.

— А камешки какие у вас разговорчивые, даже в кошель заглянули. Я ещё, признаться, надеялась, что за такую цену счастье доставят сюда, до самой скамьи. Где на тракте мне спросить о жилье, если люди там заняты работой?

— Спрашивайте там, где есть колодец, тогда хоть пить дадут, если толку не будет. В крайнем от гавани саду живёт моя сестра, и весной у неё через кухню ходят то каменщики, то прививальщики, потому что она держит свободную комнату до лета. Сейчас у неё остановились двое, но она ещё на прошлой неделе говорила, что у её соседей за пустой горницей только пауки приглядывают.

Она собрала камешки в ладонь и насыпала обратно в сумку, а я прислушалась к разговору за стойкой. Хозяин наконец пришёл, и кто-то уже просил его придержать койку для человека, которому предстояло вернуться с пристани после обеда. Я встала, поблагодарила женщину и только тогда спросила, сидела ли она здесь вчера, когда у дверей, по рассказам на корабле, ждали сразу шестеро.

— И вчера сидела, и третьего дня, голубушка. Пока ждут койку, у человека есть время подумать, как дальше жить, вот мы и беседуем. Если вам всё-таки понадобится предсказание, приходите после полудня, когда у меня руки теплее и видно, что у кого на ладони.

От скамьи я пошла к хлебной торговке и попросила показать дорогу до портовой конторы. Заодно спросила, действительно ли через южные сады можно пройти к имениям, и узнала про межевой столб с тремя зарубками, за которым надо держаться широкой дороги. Торговка когда-то жила в тех краях и посоветовала спрашивать о жилье у тех, кто возит на рынок яблоки, потому что они знают, у кого этой весной дома опустели.

В конторе мне дали обрезок бумаги и перо, которым писец только что подводил черту под перечнем грузов. Я написала, что добралась благополучно и всё утро провела у воды, а потом спросила Аэлину, удалось ли ей взять своё жалованье. Хотелось добавить, что я ещё слышу её голос, когда затягиваю шнурок на накидке, и что без неё я так и спрашивала бы у кого-нибудь разрешения выйти за ворота. Я оставила только строчку о том, что помню наш разговор в бельевой, сложила лист и надписала его на имя Аэлины, через её тётку на постоялом дворе.

Писец взял плату и уложил письмо в кожаный мешок, который вечером должны были снести на сальдермское судно. Я подождала, пока он затянет ремень, потом вернулась за хлебом и попросила торговку отрезать мне половину круглого каравая. Она надломила корку, чтобы

проще было делить хлеб в дороге, и завернула его в бумагу, а я убрала свёрток под накидку и пошла на юг по следам колёс, пока на камнях под ногами не перестала попадаться выброшенная из бочек солома.

К полудню замощённая дорога осталась позади, а над крышами, которые ещё недавно теснили меня с обеих сторон, поднялись верхушки яблонь. Сады тянулись вдоль тракта, и в одном из них люди втирали замазку в свежие срезы веток, стоя на лестницах с широкими перекладинами. Я спрашивала про жильё у каждого, кто сходил на землю и мог уделить мне минуту, и к концу второго сада уже знала, где у кого остановились прививальщики, хотя свободной кровати так и не нашла.

У межевого столба с зарубками я попила воды из колодца и съела кусок хлеба. Дорога шла дальше между двумя оградами, и на размытой земле хорошо различались широкие следы телег. Я миновала имение с белёными воротами, потом ещё одно, где у изгороди сушилось бельё, а к третьему свернула, потому что издалека приняла накрытую поленницу за навес над колодцем.

Там я встретила пожилого работника, который выгребал из канавы прелую листву и долго не мог расслышать, чего я у него хотела. Наконец он объяснил, что за холмом иногда сдают комнату, и показал на дорогу, которая огибала холм между двумя ясенями. Я повторила его указания, но всё равно взяла влево раньше положенного, потому что у первого поворота тоже росли два ясеня, а спохватилась уже у поваленной изгороди, где кончались даже следы копыт.

Я вернулась до развилки и попробовала пойти другой тропой. В лесу уже темнело, и когда я остановилась поправить сбившийся чулок, то услышала, как у меня в башмаке хлюпнула вода. Можно было вернуться к работнику и попроситься на ночь хотя бы в амбар, но я не знала, останется ли он там к моему приходу и смогу ли в сумерках разглядеть поленницу, которую днём приняла за колодец.

Домик я увидела между стволами, когда искала глазами место, откуда была бы видна дорога. Над крыльцом с одного края отстала доска, а дверная щеколда висела на верёвке, чтобы до неё мог дотянуться даже ребёнок. Я постучала, подождала, пока с крыши скатится последняя капля прямо мне на рукав, и приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь.

Там стояли стол, две скамьи и кровать с шерстяным одеялом. У очага сложили дрова, кувшин с водой накрыли перевёрнутой миской, а возле двери торчали из стены три новых крючка для одежды. Я позвала ещё раз, огляделась в поисках чьего-нибудь плаща или забытых башмаков и увидела только старую щётку, которую поставили щетиной вверх, чтобы не отсырела.

Я разожгла огонь, сняла башмаки и поставила их на бок у тёплых камней. Сухое полено взялось сразу, а второе зашипело, и мне пришлось подвинуть его поглубже палкой, чтобы сырая кора прогрелась. Пока я возилась, мне всё казалось, что вот сейчас откроется дверь и кто-нибудь спросит, по какому праву я распоряжаюсь в его доме, а я продолжала подкладывать щепки, потому что отогреть ноги хотелось сильнее, чем придумать ответ.

В шкафчике нашлись хлеб, сыр и небольшой горшок с солью. Хлеб я оставила хозяину, отрезала немного сыра и съела со своим, придерживая на коленях рукав накидки, чтобы не накрошить на пол. Во рту после дня на дороге у меня стоял такой вкус, словно я всё это время жевала переплёт хозяйственной книги, и только после второго глотка воды я поняла, как давно мне хотелось пить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.